DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-89-101

УДК 297.18

Содержание статьи

Информация о статье

И.Р. Саитбатталов¹

Введение
Тадж ад-Дин ибн Йалчигул как
богослов
Перевод толкования Тадж ад-Дина
ибн Йалчигула к 105–107 сурам
Корана
Заключение

Поступила в редакцию: 10.10.2021.
Передана на рецензию: 13.10.2021.
Получена рецензия: 02.11.2021.
Принята в номер: 30.11.2021.

Толкование Тадж ад-Дина ибн Йалчигула к 105, 106 и 107 сурам Корана²

Башкирский государственный университет; saitbattaloff@yahoo.com

В статье рассматриваются ключевые особенности коранической экзегетики башкирского суфия и богослова Тадж ад-Дина ибн Йалчигула (1767–1837), нашедшие выражение в его толковании к одной седьмой части Корана на языке тюрки, написанном в 1829 году и неоднократно издававшимся между 1859 и 1917 годами. Автор статьи связывает историко-нарративное и этико-дидактическое истолкование священного текста Тадж ад-Дином с его биографией и тем социокультурным фоном, на котором происходило его становление. Главным фактором, повлиявшим на становление его как мусульманского богослова, называется длительное обучение в образовательных центрах Османской империи – городах Стамбуле и Диярбакыре. В ходе анализа источников, которыми Тадж ад-Дин пользовался в своей работе, установлена связь с османским тафсиrom XVII века «Невесты Корана».

В заключении приводится перевод на русский язык толкования к трём коротким сурам Корана, обладающим сюжетной и смысловой связью, позволяющей в полной мере оценить интерпретаторскую технику.

Ключевые слова: *ислам в Башкирии, ислам в России, суфийские толкования Корана, тафсир, экзегетика.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-89-101

UDC 297.18

Content of the article

Information about the article

I.R. Saitbattalov³

Introduction.
Taj ad-Din ibn Yalchigul as a theologian.

Received: 10.10.2021.
Submitted for review:
13.10.2021.

¹ *Искандер Расулевич Саитбатталов* – доцент кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Башкирского государственного университета, кандидат филологических наук; orcid.org/0000-0002-5948-4666.

² Работа подготовлена в рамках проекта МК-5052.2021.2 Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации.

³ *Iskander Rasulevich Saitbattalov* – Cand. Sc. (Philology), associate professor at the Department of History of the Republic of Bashkortostan, Archeology and Ethnology, Bashkir State University; orcid.org/0000-0002-5948-4666.

Translation of the interpretation of Taj al-Din ibn Yalchighul to surahs 105–107 of the Qur'an.
Comments on the translation.
Conclusion.

Review received: 02.11.2021.
Accepted for publication:
30.11.2021.

Tajj al-Din ibn Yalchighul's Interpretation of Surahs 105, 106 and 107 of the Qur'an⁴

Bashkir State University; saibtattaloff@yahoo.com

The article examines the key features of the Qur'anic exegesis of Bashkir Sufi and scholar Tajj al-Din ibn Yalchighul (1767–1837) expressed in his interpretation on one-seventh part of the Qur'an in the Turkic language written in 1829 and published several times between 1859 and 1917. The author relates Tajj al-Din's adherence to the historical-narrative and ethical-didactic interpretation of the sacred text to his biography and socio-cultural background. The main factor that influenced his formation as a Muslim scholar was his long-term education in the cultural centers of the Ottoman Empire – the cities of Istanbul and Diyarbakir. Analyzing the sources that Tajj al-Din used while working on his interpretation, the author discovers and explains its connection with the 17th-century Ottoman tafsir "The Brides of the Qur'an". For the reader to appreciate the technique of interpretation to the full, the author gives a Russian translation of the interpretation of the three short surahs of the Qur'an in the last part of the article.

Keywords: *Islam in Bashkiria, Islam in Russia, Sufi interpretations of Qur'an, tafsir, exegesis.*

Введение

Развитие коранической экзегетики, особенно на ранних этапах, в российском Урало-Поволжье остаётся относительно малоизученным процессом. Доступные в настоящее время публикации, как посвящённые отдельным письменным памятникам [11; 2], так и имеющие обзорный и обобщающий характер [1; 7], сосредоточены прежде всего на соотношении экзегетики и национальной культуры отдельных народов региона и текстах, позднее причисленных к «просветительскому», «реформаторскому» или «джадидскому» дискурсам, и касаются работ начала XIX века лишь в рамках общих библиографических экскурсов. Созданные в этот период толкования, за исключением *тафсйра* Ну'мāна ибн Амйрхāна (так называемый «تفسير نعانى», тафсйр Ну'мāнй), не переводились на современные языки и не издавались ранее с соответствующим научно-справочным аппаратом, поэтому остались неизвестными широким читательским кругам.

Хотя *тафсйры* Корана на тюркских языках стали создаваться в Средней Азии едва ли не с IX–X веков и первоначально, подобно толкованиям на персидском, имели пословный характер и записывались между строк арабского текста, их проникновение в регионы современной России было сравнительно медленным процессом. Перечисляя мусульманских учёных, работавших в Улусе Джучи, и названия их трудов, известных по упоминаниям в разных источниках, энциклопедист начала XX века Ридā ад-Дйн ибн Фахр ад-Дйн не называет ни одного *муфассира* [9]. Старейшим относительно точно датированным памятником коранической экзегетики на тюркских языках, зафиксированным в Урало-Поволжье, считается хранящаяся в собрании Казанского федерального

университета рукопись XVI века, имеющая среднеазиатское происхождение и, по-видимому, позднее импортированная в регион. Доступные нам описания восточных рукописей, содержат сведения о тюркоязычных текстах экзегетического содержания, созданных в рассматриваемом регионе на рубеже XVIII и XIX веков.

Первым таким текстом является толкование к одной седьмой части Корана (перс. *хафт-и йак-и шариф*) Бахадиршаха ал-Кайнāvī, завершённое в 1807 году. Одна рукопись этого труда хранится в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге [5, с. 170], другая – в частном собрании в селе Чершилы на востоке Республики Татарстан (данные из социальных сетей). Толкование было опубликовано в 1859 году в Казани и получило известность как «تفسير كاینای» (тафсир Кайнāvī).

Вторым по времени написания является толкование к одной седьмой части Корана, начатое богословом ‘Абд ан-Насйром ал-Қурсāвī (1876–1812), которое так и не было завершено по причине его смерти. Продолженное его учениками оно неоднократно издавалось в типографиях Казани между 1859 и 1917 годами под названием «کتاب شرف مآب هفت یک تفسیری تورکی تلند» (Китāб-и шараф-ма’āб Хафт-и йак тафсйрй тўркй тилинда, Книга подражания благородному – Толкование к одной седьмой части Корана на тюркском языке. Здесь и далее при первом упоминании работ приводятся их названия в оригинальной арабской графике, кириллической транскрипции и русском переводе. При повторном упоминании используется только русский перевод). По-видимому, его стиль и методы оказали серьёзное влияние на работу Ну‘мāна ибн Амйрхāна [7, с. 52].

Третьим в этом ряду является труд писателя, историографа и мистика Тадж ад-Дина ибн Йалчигула (1767–1837) «Сидрат аль-Мунтахā» (араб. «سدرۃ المنتهى» Лотос крайнего предела), завершённый в начале лета 1829 года. Он также представлял собой комментарий к одной седьмой части Корана и как минимум дважды – в 1883 и 1902 годах – издавался в Казани под тем же названием, что и книга ал-Қурсāвī. Одна рукопись этого толкования также хранится в Институте восточных рукописей РАН [5, с. 172], ещё одна – в собрании Казанского федерального университета (сведения собраны из личной беседы с доктором философии А.К. Бустановым). Данный труд является наиболее объёмным из трёх перечисленных. Объектом исследования и перевода в статье является первое казанское издание этой работы 1883 года [14].

Тадж ад-Дин ибн Йалчигул как богослов

Жизнь и творчество Тадж ад-Дина ибн Йалчигула ибн Маматкула изучены сравнительно полно: его трудам посвящены две кандидатские диссертации [3, 4] и ряд других научных работ. Согласно данным ревизских сказок 1816–1850 годов он родился в 1767 или 1768 году. Местом своего рождения Тадж ад-Дин называл аул Қўрмāш-йилга, находившийся между реками Ай и Арша [3, 4]. По современному административно-территориальному делению эта местность находится на границе Кигинского района Республики Башкортостан и Кусинского городского округа Челябинской области. Картографические материалы второй половины XVIII века не зафиксировали такого населённого пункта. Как явствует из произведений богослова, он относил себя к башкирскому клану Айле [3, 4] и настойчиво подчеркивал свою башкирскую этническую идентичность, используя *нисбу* ал-Иштāкй, образованную от экзоэтнонима башкирского народа, имеющего антропонимическое происхождение.

В раннем возрасте Тадж ад-Дин покинул родину, он сопровождал отца, направлявшегося в паломничество в Мекку. По пути отец и сын остановились на длительное время в дагестанском селении Аксай (кум. Яхсай), где Тадж ад-Дин проучился некоторое время в медресе. Достигнув османского города Диярбекира (ныне Диярбакыр), отец богослова оставил его на попечение «одного старика», а сам продолжил путь к святым местам. Тадж ад-Дин провёл в Диярбекире четыре года, после чего направился в Стамбул, где воссоединился с отцом, и они прожили и там ещё два года. После этого они через кубанские степи, Астрахань, Москву и Казань отправились на родину, однако в Казанской губернии Йалчигул умер, завещав сыну не оставлять его могилу без присмотра. Тадж ад-Дин поселился в Мензелинском уезде Оренбургской губернии и, по-видимому, пользуясь покровительством башкирских дворян Нагайбаковых, был принят в башкирскую общину села Чалпы Бугульминского уезда той же губернии, относившуюся к башкирскому клану Юрми. В России Тадж ад-Дин неоднократно менял место жительства и умер в 1837 году, будучи имамом мечети села Верхний Налим (ныне Заинский район Республики Татарстан).

Исследователям Тадж ад-Дин ибн Йалчигул известен прежде всего как историограф, написавший книгу «Тәйхнәма-йи Булғар» (перс. «تاریخ نامه بلغار» – Книга истории Булгара), представлявшую подробную родословную автора от Адама и включающую целый ряд подлинных и вымышленных исторических эпизодов [3, 4], и комментатор суфийского сочинения «Сабāt ал-‘аджизйн» (Опора бессильных) среднеазиатского мистика Сұфй Аллахийяра (1644–1721). Комментарий Тадж ад-Дина, озаглавленный «Рисāла-йи ‘Азйза» (Послание к ‘Азизе), издавался до революции не менее 14 раз и пользовался такой популярностью, что писателя именовали не иначе как «сахиб-и ‘Азиза» (сочинитель Азизы). Эта книга переведена на современный татарский язык и опубликована в Казани в 2014 году.

Значительно меньше известны его собственно богословские труды. В завершающей части «Тәйхнәма-йи Булғар» перечислены работы Тадж ад-Дина, посвящённые вопросам исламского права, этики, суфизма и другим религиозным наукам. Большинство этих трудов сохранились, вероятно, в рукописях, к настоящему времени не атрибутированных.

Исключение составляет небольшая работа (‘Инāйат ас-субхāнй араб. «عناية السبحاني» Забота Преславного), хранящаяся в Институте восточных рукописей РАН [под шифром В-3519] и исследованная нидерландским ученым М. Кемпером. Её содержание позволяет с большой долей уверенности считать Тадж ад-Дина приверженцем мистико-философской доктрины «*вāхдат ал-вуджūd*» (единство бытия), разработанной в XIII веке Мухий ад-Дин ибн ‘Арабй. В последующем она была вытеснена доктриной «*вāхдат аш-шухūd*» (единство свидетельства), сформулированной в XVII веке индийским религиозным мыслителем Ахмадом ас-Сирхиндй. Этот факт, возможно, объясняет то негативное отношение к Тадж ад-Дину, которое демонстрировали его позднейшие биографы Ш. Марджани и М.-М. Минзалави, принадлежавшие к кругам, приверженным к доктрине «*вāхдат аш-шухūd*» [6, с. 157–161].

Хотя М. Кемпер возводит «единство бытия» у Тадж ад-Дина к среднеазиатскому суфизму в том состоянии, в каком он пребывал до влияния со стороны субконтинента [6, с. 160], более вероятным представляется знакомство богослова с этой концепцией во время четырёхлетнего проживания и обучения в османском Диярбекире и двухлетнего пребывания в Стамбуле. Известно, что в первом городе с середины XVII века действовала обитель братства Накшбандийа,

основанная шейхом Махмудом Урмави (ум. 1648), духовная генеалогия которого не включает имён, прямо или косвенно связанных с Ахмадом ас-Сирхиндӣ [12, с. 208]. С именем Урмави и его потомков связаны также становление и развитие в Диярбекире школы коранической экзегетики. Продолжатели *силсилы* Урмави проживали в городе и его окрестностях во время пребывания там Тадж ад-Дина [15, с. 18]. Не исключено, что знания, полученные Тадж ад-Дином во время проживания в Османской империи, оказали решающее влияние на характер его экзегетического труда.

Тафсир под названием «Лотос крайнего предела» фигурирует в списке трудов Тадж ад-Дина, приведённом в заключительной части «Книги истории Булгара» [3, 4]. Об экзегетической работе под таким названием сообщает в своих примечаниях к этому труду также башкирский поэт и суфийский шейх Мухаммад-‘Али Чукури (1828–1889). Он отмечал, что видел рукопись толкования Тадж ад-Дина к суре «Корова» объёмом с книгу «جامع الرموز» (Джāми‘ ар-румӯз, Собрание указаний) и что именно она, а не напечатанное толкование к «седмике Корана» должна называться «Лотос крайнего предела» [ИВР РАН В-2673, л. 8b]. Рукопись этого труда хранится ныне в собрании Института восточных рукописей РАН. На последней её странице приводится название работы – «Лотос крайнего предела» [5, с. 172], что позволяет не согласиться с мнением М.-‘А. Чукури и считать Тадж ад-Дина ибн Йалчигула автором одного тафсира, имеющего оригинальное название «Лотос крайнего предела» и опубликованного в Казани в 1883 и 1902 годах под названием «Книга подражания благородному – Толкование к одной седьмой части Корана на тюркском языке» [14].

Одной седьмой частью Корана принято считать фрагменты писания, наиболее часто используемые мусульманами в ходе ежедневной религиозной практики – при чтении молитв, рецитации отдельных сур, обучении грамоте на арабском языке. В её состав включаются сура 1 «Открывающая», начальные аяты суры 2 «Корова», сура 36 «Йā сйн», суры с 48-й («Победа») по 114-ю («Люди»).

Труд Тадж ад-Дина ибн Йалчигула, помимо толкований сур Корана, включает также предисловие на арабском языке с кратким рассказом о целях и намерениях автора [14, с. 2–3], короткое стихотворение – кит‘а – на тюркском языке о достоинствах коранической экзегетики (араб. *‘илм тафсӣр*) [14, с. 3], подробные разъяснения ключевых терминов этой религиозной науки – *вахй* (откровение), *нузул* (ниспослание частями), *фурқāн* (различение), *сура* (составная часть Корана), *айāt* (стих Корана), *фāтиҳа* (наименование первой суры), *басмала* (формула «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного») [14, с. 4–7].

Толкование Тадж ад-Дина ибн Йалчигула представляет собой достаточно типичный пример «тафси́р би-р-ривāйа» (толкование на основе предания). Ключевым методом экспликации смысла священного текста является приведение переложённых автором на тюркский язык и сокращённых хадисов, высказываний сподвижников пророка Мухаммада, авторитетных богословов прошлого. Во многих случаях называются конкретные имена – Ибн ‘Аббās, Ибн Касӣр, ал-Байдави, аш-Шатиби и др. [14, с. 5, 6, 94, 174, 278], несколько реже приводятся ссылки на ханафитский мазхаб в целом [14, с. 14, 81]. Часто предание приводится без конкретных ссылок и вводится словом «ривāйа» (передается) [14, с. 117, 125, 173]. Предания используются Тадж ад-Дином для описания «асбāб ан-нӯзул» (обстоятельств ниспослания конкретного откровения), а также для выстраивания системы взаимосвязей между смыслами откровения и регулируемым религиозными нормами поведением верующих людей. Важной составляющей комментария Тадж ад-Дина ибн Йалчигула являются филологические экскурсы,

освещающие тонкости арабской грамматики и риторики, способствующие пониманию конкретных слов и выражений [14, с. 204, 213].

Толкование Тадж ад-Дина ибн Йалчигула, несмотря на очень большой объём (376 страниц печатного текста, 209 листов рукописи) и его адресованность «булгарским детям и старушкам» [14, с. 303], совершенно не касается тонкостей использования отдельных сур и аятов в индивидуальной и коллективной религиозной практике, а также их «достоинств» (фада'ил). По-видимому, толкователь считал, что пользу читателям должны принести прямые этико-назидательные обращения.

Единицей истолкования в работе ибн Йалчигула, как в других уралоповолжских *тафсїрах* начала XIX века, является не *айāt*, а минимальный отрезок осмысленной речи – слово или синтагма. Арабский текст отделяется от тюркского скобками. Такой способ истолкования, при котором арабская речь, с одной стороны, погружается в тюркскую, а с другой – определяет её структуру и логико-композиционное построение, придаёт синтаксису Тадж ад-Дина ибн Йалчигула очень своеобразный характер: текст изобилует инверсиями, кольцевыми синтаксическими структурами, фрагментами с неочевидными границами. Всё это затрудняет его восприятие неподготовленным читателем.

Для более полной и разносторонней характеристики исследуемого богословского труда приведём перевод на русский язык толкования Тадж ад-Дина ибн Йалчигула к трём коротким сурам Корана [14, с. 362–368], обладающим, по мнению авторитетных богословов и современных специалистов по коранистике, смысловой и композиционной общностью и образующим единый блок [10, с. 171]. Необходимые добавления к тексту приводятся в квадратных скобках. Номера страниц оригинального текста выделены косыми линиями и сокращением «с». Слова арабского происхождения транскрибированы и выделены курсивом, слова и выражения, представленные в тафсїре на арабском языке, выделены курсивом. Элементы, нуждающиеся в специальном комментарии, пронумерованы и выделены угловыми скобками.

Перевод толкования Тадж ад-Дина ибн Йалчигула к 105–107 сурам Корана

/с. 362/ Сура «Слон» мекканская, и [в] ней пять аятов.

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Передаётся, [что] Наджāшй был царём эфиопского владения. В области Йемен <1> у него был визирь по имени Абраха. [Он] воздвиг дом – такой дом, [подобного которому] не было в мире. [Этот дом] украсили самыми разными украшениями. Внутри были развешаны жемчужные и яхонтовые светильники. Он [Абраха. – И. С.] установил внутри здания идолы <2> и приказал, чтобы всякий, кто пожелает совершить паломничество, обходил этот дом и не обходил *Ка'бу*. Однажды некий арабский юноша, услышав [о таком] от Малика ибн Надры ибн Кинāны <3>, отправился в *Сан'у*, вошёл в это здание, испражнился [там] и вымазал идолов испражнениями. Наутро [люди] вошли в это здание, чтобы помолиться, увидели это дело, сообщили царю [Абрахе. – И. С.]. Царь сказал: «Это сделали арабы. Ищите и выспрашивайте! Если сможете найти и выдать этого араба, дам половину своего богатства, выдам замуж свою дочь и сделаю своим визирем!» Этого араба искали долго, [но так и] не нашли. Однажды тот араб, нашел возможность, поджёг здание, и оно сгорело <4>. *Поспешно* сообщили [об этом] царю. Прибыв на место, он увидел, что от здания осталось только пожарище, а само [оно полностью] выгорело. Царь поклялся разрушить *Ка'бу*.

Этот визирь по имени Абраха попросил у царя Наджаший его слона по имени Махмūd <5> и с множеством других слонов, и с войском численностью восемьдесят тысяч человек достиг [окрестностей] Мекки. В пустыне они угнали скот мекканских жителей. Также забрали двести верблюдов, [принадлежавших] деду Пророка Божьего ‘Абд ал-Муттāлибу.

‘Абд ал-Муттāлиб явился к Абрахе и поприветствовал его. Абраха принял его с почётом, потому что уже слышал, что ‘Абд ал-Муттāлиб – предводитель арабов. Они поели и выпили вина. Абраха спросил: «О предводитель арабов, зачем ты пришёл ко мне?» ‘Абд ал-Муттāлиб ответил: «Твоё войско угнало двести моих верблюдов /с. 363/, я пришёл просить их [обратно]». Абраха сказал: «Увидев тебя, я было восхитился, но, услышав твои слова, разочаровался». ‘Абд ал-Муттāлиб спросил: «Почему?» Абраха ответил: «Я пришёл разрушить храм, воздвигнутый вашим праотцом Йбрāхймом, ты же не спрашиваешь меня о нём, а просишь своих верблюдов». ‘Абд ал-Муттāлиб сказал: «Хозяин двухсот верблюдов – я, а Ка‘ба не моя, её хозяин – Аллах Всевышний. Мне до неё дела нет».

[Абраха] вернул верблюдов. Когда ‘Абд ал-Муттāлиб вернулся в Мекку, он повелел её жителям: «Бегите в горы! Абраха пришёл разрушить Ка‘бу, да не увидят этого ваши глаза!». Тогда мекканцы убежали в горы, и ‘Абд ал-Муттāлиб остался в городе один. [Он] взялся за кольцо на двери Ка‘бы и заплакал. [‘Абд ал-Муттāлиб] сказал: «Господи! Предаю этот дом Тебе, его воздвиг по Твоему повелению наш праотец Йбрāхйм» <6>.

Абраха подготовил войско, выставил слона Махмūда перед ним, [и все они] вступили в Запретную Мечеть. Когда слон по имени Махмūd и другие слоны увидели Ка‘бу, они совершили *земной поклон*. Многие погонщики слонов трясли [их, но] слоны не подняли голов из [состояния] *земного поклона*. В это время в воздухе появились какие-то птицы. Эти птицы, подобно птицам, [называемым] *абāбйл* <7>, были с красными клювами, чёрными головами, длинными шеями, меньше жаворонков, больше воробьёв. В клюве каждой птицы было по камню величиной с горошину. На каждом из этих камней было написано имя воина [из войска] Абрахи.

Эти птицы сбросили камни и истребили войско Абрахи. Остался только сам Абраха. После того как Абраха вернулся на слоне Махмūде и рассказал всё произошедшее царю Наджаший, ласточка убила камнем и его. Увидев такие дела, царь Наджаший обратил свою искренность к Ка‘бе, потому что [признал её] Божиим домом, и отправил ‘Абд ал-Муттāлибу множество скота и подарков.

После того как по велению Господа обладатели слона были истреблены, мекканцы вернулись в свои дома и увидели Ка‘бу в сохранности. ‘Абд ал-Муттāлиб поделил между ними всё золото и серебро, оставшееся от войска, а себе не взял ни монеты. Мекканцы разбогатели. В то время в Мекке не осталось бедняков. Эта история произошла в год рождения нашего Пророка.

Аллах Всевышний, рассказывая об обладателях слона, повелел:

(أَلَمْ تَرَ) Разве /с. 364/ не видишь ты, о Мухаммад; да, ты слышал, словно сам видел, эту всем известную в Мекке и окружающих городах повесть (كَيْفَ فَعَلَ رَبُّكَ) [о том], как обрушил свой гнев Господь твой Великий (بِأَصْحَابِ الْفِيلِ) на обладателей слона и огромное конное войско, восседающее не только на слонах. Обладателей слона было восемьдесят тысяч, конного войска было сто тысяч человек. (أَلَمْ يَجْعَلْ) Разве не обратил Аллах Всевышний хитрость и страсть обладателей слона, а страсть их была в разрушении Ка‘бы, (فِي تَضَلُّيلٍ) в заблуждение, напраслину и горе, а их гибель и сокроища – в добычу для жителей Мекки? (وَأَرْسَلْنَا) Послал Аллах Всевышний (عَلَيْهِمْ) во вред обладателям слона (طَيْرًا) птицу. [Здесь] единственное

число – указание на множество, то есть [дóлжно понимать это слово как] птиц. (أَبَابِيلَ) Облик их был словно у птиц, [называемых] *аб̣аб̣й̣л*, но на самом деле они не были птицами, а были ангелами ада. Аллах Всевышний придал этим ангелам облик птиц. (ثَرَمِيمِهِمْ) Осыпали эти птицы войско Абрахи (بِحِجَارَةٍ) камнями из своих клювов. (مِنْ سَحَابٍ) Свойство этих камней таково: они были обожжены в низине ада, называемой *Сиджжй̣л*, то есть Аллах Всевышний создал их и обжёл за много тысяч лет до рождения воинов Абрахи. (فَجَعَلَهُمْ) Истребив обладателей слона, сделал их Аллах Всевышний (كَغَصْفٍ) подобно финиковым листьям <8> (مَأْكُولٍ) объединенными и рассеянными. То есть быстрота, с которой погибли обладатели слона, подобна быстроте, с которой животные поедают финиковые листья, ибо животные быстро поедают их из-за приятного вкуса.

Аллах Всевышний заканчивает суру словами *كَغَصْفٍ مَأْكُولٍ* – *прекрасное завершение*, поэтому создания Божьи видят окончание мира подобным *كَغَصْفٍ مَأْكُولٍ* и, не обманываясь им, всё время пребывают в поминании Бога Всевышнего.

*Сура «Қурайш» мекканская, и [в] ней четыре айата
Во имя Аллаха Всемилоостивого, Милосердного!*

В толковании «Новые невесты» <9> сказано, что в свитке Убаййа ибн Ка'ба суры «*А лам тара кайфа*» и «*Ли ил̣афи қурайш*» были одной сурой и между ними не было *басмалы*. Повелитель правоверных господин 'Умар читал обе эти суры /с. 365/ в одном поклоне вечерней молитвы. В таком случае смысл следующий: истребил Аллах Всевышний обладателей слона (لَا يَلَافُ قُرَيْشٍ) ради сплоченности [людей из племени] Қурайш.

Если же *басмала* есть и суры разделены, будучи каждая самостоятельной, то смысл таков: «Удивляйтесь сплоченности қурайшитов их достатку и любви друг к другу». В таком случае повторение [*харфа*] *л̣ām* – [выражение] удивления. (إِلَافِهِمْ) Сплоченность қурайшитов и любовь их друг к другу таковы: (رَحَلَةَ الشِّتَاءِ وَالصَّيْفِ) удивляйтесь их сплоченности при переездах в зимние дни. Қурайшиты привыкли снаряжать караван для торговых поездок два раза в год. В зимние дни они ездили на ярмарку <10> в Йемен. Второе путешествие они предпринимали в летние дни под созвездием Весов на ярмарку в Сирию. С этих двух ярмарок в Мекку привозили еду, напитки, одежду и другие предметы. Богачи и торговцы на этих двух ярмарках дожидались қурайшитов и, пока они не придут, не продавали товары купцам из других стран. Купцы этих двух ярмарок говорили и уверяли: «В наше время среди қурайшитов нет ни бедняков, ни должников». Потому что среди қурайшитов был обычай: они совместно одаривали своих бедняков деньгами, хорошей одеждой, лошадьми и товарами, обогащали их и возили на эти две ярмарки. Они говорили, что такой честной и заботливой общины, как племя Қурайш, не было и не будет. Говорили также, что в нашем роду не должно появляться и показываться на глаза ни единого бедняка. Поэтому Аллах Всевышний упомянул их [с выражением] удивления: «Узрите и удивляйтесь сплоченности қурайшитов друг с другом, их милосердию и любви, их обычаям». Также Он сказал: «Если женщина останется вдовой, сочетали они браком своих детей с её. Принимали её детей в свои дома и прежде, /с. 366/ чем кормить собственных детей, кормили и одевали сирот и женили их, когда те становились взрослыми». Именно поэтому Абӯ Т̣алиб ценил Пророка Божьего выше своих собственных детей. Нет милосердия, равного милосердию қурайшитов друг к другу.

(فَلْيَعْبُدُوا) Скажи қурайшитам, чтобы поклонялись (رَبِّ هَذَا الْبَيْتِ) Хозяину этого дома. То есть люди Мекки – Хозяину дома, что значит: «О мекканцы! Уверуйте в Хозяина этого дома Аллаха Всевышнего и уверуйте в Его Пророка и совершайте

поклонение». (الَّذِي) Аллах Всевышний таков: Он хозяин дома и (أَطْعَمَهُمْ) наделил пищей этих курайшитов, избавив их (من جوع) от голода, потому что до торговли с Йеменом и Сирией в Мекке царил голод, и мекканцы пребывали в бедности. Потом курайшиты стали помогать друг другу и превратились в купцов и разбогатели. Сейчас мекканцы – купцы. (و آمنهم) Также защитил Аллах Всевышний этих курайшитов (من خوف) от страхов. «Ибо остались вы в безопасности от обладателей слона, разбогатели из-за их имущества, не понесли урона от запретного в ваших путешествиях в Йемен и Сирию и потерь в торговле, но вернулись с большой прибылью. Так и в День Воскресения вы будете в безопасности. Ни среди арабов, ни среди неарабов не будет того, кто станет с вами сражаться. Из вашей среды прибыл Пророк, на вашем языке была ниспослана Книга. Каких только богатств не дал я вам?» Таковы благодеяния Аллаха Всевышнего, оказанные им племени Курайш.

Аллах Всевышний, заканчивая суру словами وَآمَنَهُمْ مِنْ خَوْفٍ, высказал предупреждение, что они будут в безопасности от проклятого Даджала в последние времена (ахр заман), и прекрасно завершил её.

Сура «А ра'айта» мекканская, и [в] ней семь аятов

Во имя Аллаха Всемилоостивого, Милосердного!

Знай, что начало этой суры об 'Асе ибн Ва'иле и Абӯ Джахле до аята «وَلَا يَخْضُ عَلَى طَعَامِ الْمَسْكِينِ» было ниспослано. Окончание суры [имеет] всеобщее [значение].

(أَرَأَيْتَ الَّذِي) Видел ли ты, о Мухаммад, таких людей, то есть 'Аса ибн Ва'ила и Абӯ Джахла, которые предстоящий вечный ад (يَكْذِبُ بِالذِّينِ) и День Воскресения считают ложью? Обычай этих двух проклятых были такими: если кто-то заболел, шли к нему, садились рядом /с. 367/ и просили: «Завещай мне своё имущество». Некоторые завещали, а некоторые умирали, не завещав им. Завещали или нет, эти двое проклятых насилием и жестокостью забирали имущество этих покойников себе и не отдавали детям и другим наследникам. Говорили они: «Я царь, помещу имущество покойника в казну». Другим обычаем этих проклятых было отвергание *закята*. *Закят* – это не право бедных и несчастных, а обязанность. Они забирали имущество многих богачей с тем, что необходимо передать его в казну, и не передавали.

(فَذَلِكَ) Видел ли ты, Мухаммад, этих двух людей, то есть 'Аса ибн Ва'ила и Абӯ Джахла ибн Хишāма (الَّذِي) – таких людей, которые (يُذْغِ الْيَتِيمَ) прогоняют сирот, отнимают у них отцовское и материнское наследство, бесконечно угнетают сирот? (وَلَا يَخْضُ) Не желают они и не призывают других (عَلَى طَعَامِ الْمَسْكِينِ) кормить несчастных, наделять их и оказывать им благодеяния, но запрещают эти дела.

Передаётся, что лицемеры оттягивали до конца время молитв, исполняли каждое дело с гордостью и напоказ, отказывали соседям в мелких просьбах. Описывая их положение, Аллах Всевышний повелел:

(هُمُ) (الَّذِينَ لِلْمُصَلِّينَ) тем, (فَوَيْلٌ) Горе или овраг под названием Вайл или погибель (عَنْ صَلَاتِهِمْ سَاهُونَ), беспечен относительно их времени или оттягивает время молитвы до конца, или не читает молитвы, оставляя их неисполненными, а потом не возмещает. (الَّذِينَ) Ещё эти лицемеры – такие люди, (هُمُ) которые (يُراءُونَ) действуют напоказ. Эти лицемеры на людях поминают Бога и восхваляют Его, а в одиночестве, напротив, проводят время обязательных молитв за разговорами и делами. Для них [предназначен овраг под названием] Вайл. (وَيَمْنَعُونَ الْمَاعُونَ) Также отвергают они маленькие просьбы соседей, то есть, если соседи придут просить мелочи вроде сита, ведра или сковороды, не дают им и

отсылают прочь <11> /с. 368/ Описав положение лицемеров в конце суры, Аллах Всевышний повелел искренним верующим совершать противоположное делам лицемеров и прекрасно завершил её. [Это] видно.

Комментарии к переводу

1. Предание об эфиопском наместнике Абрахе и царе Наджāшй сообщается практически всеми толкователями этой суры. Характерно, что Тадж ад-Дин обозначает Эфиопию не как царство (араб. *мамлака*), а как владение (араб. *вилāйя*), Йемен – как область или округу (араб. *дийār*), а Абраху наделяет титулом царя (перс. *nādišāx*) и визиря (араб. *вазйр*).

2. Тадж ад-Дин, похоже, сознательно избегал использования собственного имени дома, воздвигнутого Абрахой, – *ал-Куллайс*, восходящего к греческому названию церкви. Сообщения о нахождении внутри храма Абрахи идолов (перс. *nūt*) в ранних толкованиях отсутствуют [10, с. 186–191].

3. Явная ошибка Тадж ад-Дина ибн Йалчигула: Малик ибн Надра ибн Кинāна был предком пророка Мухаммада в одиннадцатом поколении, а не современником описываемых событий.

4. Мотив осквернения храма, воздвигнутого Абрахой, как повод для «похода слона» присутствует у ат-Табарй, Ибн Касйра, аз-Замахшарй и в «Джалāлайн», причём в последнем толковании объектом осквернения экскрементами выступает не только церковь как таковая, но и её михраб. Толкователи, упоминая о сожжении церкви арабами (Ибн Касйр, аз-Замахшарй), отмечают, что осквернение здания и его уничтожение – дело рук разных людей [10, с. 190–191]. По-видимому, подробности, не сообщаемые ранними толкователями, проникли в труд Тадж ад-Дина ибн Йалчигула из агиографической литературы.

5. Имя слона содержится в толкованиях ат-Табарй, Ибн Касйра и аз-Замахшарй, численность армии на слонах, очевидно, представляет собой контаминацию сообщаемых последним сведений – «восемь или десять тысяч» [10, с. 200].

6. Прямая речь 'Абд ал-Муттāлиба представляет собой переложение его мольбы к Богу, имеющей у арабских комментаторов стихотворную форму.

7. Слово *абāбйл*, истолкование семантики и грамматической природы которого представляло значительную сложность для ранних комментаторов, трактуется Тадж ад-Дином исключительно как название вида птиц.

8. Толкователь использует словосочетание *хурма йāпрāкй*, которое может быть переведено и как финиковые листья, и как листья хурмы. В переводе мы опираемся на османскую лексическую норму.

9. Уже для наборщиков переводимого текста название тафсира было неясным: оно набрано как «نوعرايس». Первое слово может быть прочитано как персидское прилагательное *новый*. Второе является ошибочным написанием арабского слова '*arā'is* (*невесты*). Слово '*arā'is* (*невесты*), впервые использованное в кораническом толковании ал-Бакли, отсылает к хадису, в котором говорится: «Невеста Корана – сура „ар-Рахман“». Метафорическое значение слова – многочисленные прекрасные и роскошные предметы, в данном случае суры (пояснение. – И. С.). Очевидно, речь идёт об одном из толкований, содержащих в названии эту лексему – «عرايس البيان فى حقايق القرآن» ('*Arā'is al-bayān fī ḥaqāyiq al-Qur'ān*, Невесты – разъяснения в истинах Корана), теолога XII–XIII веков ал-Баклй, «عرائس المجالس فى قصص الانبياء» ('*Arā'is al-madǧālis fī qisās al-anbiyā'*, Невесты, собранные в рассказах о пророках) богослова XV века Ахмада ас-Са'лабй, «عرائس القرآن و نفائس الفرقان و فراديس الجنان» ('*Arā'is al-Qur'ān wa nafā'is al-*

фурқан ва фарёдӣс ал-джинан, Невесты Корана, красота в многообразии и сады рая) османского интеллектуала XVII века Мухаммада Вāнӣ (Мехмета-эфенди Вани) [12]. Учитывая, что с помощью ссылок на толкование «Новые невесты» вводятся предания и рассуждения об истории Корана, Тадж ад-Дин ибн Йалчигул имел в виду одно из двух последних сочинений, так как первое относится к числу мистико-символических толкований. Эпитет «новые» недвусмысленно указывает на сочинение, составленное относительно недавно. Тот факт, что российский муфассир получил образование в Османской империи, свидетельствует об использовании им последнего сочинения.

10. Рассказывая о торговых операциях мекканцев, Тадж ад-Дин ибн Йалчигул употребляет заимствованное из русского языка слово *йāрмӣнка*. В переводе восстановлено его оригинальное звучание.

11. При перечислении мелочей, которыми необходимо делиться с соседями, Тадж ад-Дин ибн Йалчигул использует хозяйственно-бытовые реалии своего региона.

Заключение

Перевод толкования Тадж ад-Дина ибн Йалчигула к 105, 106 и 107 сурам Корана достаточно ярко демонстрирует подход богослова к интерпретации священного текста для аудитории, не владеющей арабским языком. Основой является предание (араб. *ривāйа*), включающее две составляющие: изложение обстоятельств ниспослания суры или айāта, либо мнений богословов и других ранних авторитетов о них, а также изложение непосредственно сюжета рассказываемой Кораном истории, если таковая имеется. Вспомогательную роль в изложении священного текста играли филологические соображения.

В изложении «причин ниспослания», а также самих коранических историй богослов в основном придерживался рамок, заданных классическими толкованиями на арабском языке ат-Табарӣ и Ибн Касӣра. Отступления от этих рамок могут быть обусловлены стремлением толкователя облегчить текст своего труда и избавить его от излишних подробностей, а также влиянием позднейшей экзегетической традиции, особенно «истории пророков» в изложении ас-Са'лабӣ и Мухаммада Вāнӣ.

Характерной особенностью толкования Тадж ад-Дина ибн Йалчигула является введение в его текст анахронических элементов, прежде всего реалий современной ему культуры российских мусульман – обозначений предметов быта и способов хозяйствования. Их появление в тексте, адресованном «булгарским детям и старушкам», продиктовано интенцией к актуализации коранического повествования за счёт приближения его к условиям жизни читателей. Прагматика толкования определяется помещением в финал каждой суры кратких выводов нравственно-этического характера, обращенных непосредственно к читателям.

Таким образом, толкование Тадж ад-Дина ибн Йалчигула к одной седьмой части Корана, продолжая традицию интерпретации коранического текста на основе предания, выступало также средством нравственно-этического воспитания аудитории.

Литература

1. Батыркаев Т.О. Кораническая экзегетика мусульман Поволжья и Приуралья (конец XVIII – начало XX в.) // Памятники письменности Востока. – 2008. – Т. 2 (9). – С. 104–130.

2. *Бустанов А.К.* Коран для советских граждан: риторика прогресса в богословских трудах Габделбари Исаева // Антропологический форум. – 2018. – № 37. – С. 93–110.
3. *Галаяутдинов И.Г.* «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова: автореф. дис. ... к. филол. н. / ИЯ АН СССР. – М., 1977. – 19 с.
4. *Ильясова Г.Р.* Лингвотекстологические особенности произведений «Сабат аль-гаджизин» Аллаюра Суфи и «Рисала-и Газиза» Т. Ялсыгулова: автореф. дис. ... к. филол. н. / Башкирский государственный университет. – Уфа, 2009. – 28 с.
5. *Дмитриева Л.В.* Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук / отв. ред. О.Ф. Акимускин. — М.: Вост. лит., 2002. – 616 с.
6. *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. Искандер Гилязов. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 655 с.
7. *Рахимова Я.Р.* Классические тафсиры Корана как достояние татарской культуры // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 1. – С. 48–53.
8. *Салих Н.Р.* Переписчики арабографичных рукописей на Южном Урале в XIX в. // Былые годы. – 2019. – Т. 52, №. 2. – С. 576–584.
9. *Фахр ад Дин Р.Ф.* Асар. – Казань, 1900. – Т. 1, ч. 1. – 120 с.
10. *Фролов Д.В.* Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. Т. 3. Суры 98–114. – М.: Восточная книга, 2014. – 448 с.
11. *Хайрутдинов А.Г.* Рукописный перевод Корана Мусы Бигеева // Minbar. Islamic Studies. – 2018. – № 11 (4). – С. 805–818.
12. *Taşkesenlioğlu L.* Vankulu Mehmed Efendi. Geçmişten Günümüze Türkçeye Hizmet Edenler. 1. Cilt. – Ankara: Nobel Bilimsel Eserler, 2016. – S. 207–209. (In Turkish).
13. *Vani M.* Araisü'l-Kur'an (Kur'an'ın Gelinleri). – Istanbul: Selenge yayinlari, 2020. – 616 s. (In Turkish).
14. *Yahşîqulî üglî T.* Kitāb-i şaraf-ma'āb haft-i yak tafsîrî türkî tilinda. – Qazān, üniversitet tab'ḥānasī, 1302. – 386 s. (In Old Turkish).
15. *Yılmazçelik İ., Bahtiyar H.* Osmanlı döneminde Diyarbakır uzerine bazı tespitler ve Diyarbakır şer'iyye sicilleri (katalog ve fihristleri). – İstanbul: Hiperyayın, 2019. – 600 s. (In Turkish).

References

1. Batyrkaev T. Koranicheskaya ekzegetika musul'man Povolzh'ya i Priural'ya (konets XVIII – nachalo XX v.) [Qur'anic exegesis of the Volga and Urals Muslims (late 18th – early 19th cent.)] // Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. – 2008. – Т. 2 (9). – S. 104–130. (In Russian)
2. Bustanov A.K. Koran dlya sovetskikh grazhdan: ritorika progressa v bogoslovskikh trudakh Gabdelbari Isaeva [Qur'an for Soviet citizens: the rhetoric of progress in theological works of Gabdelbari Isaev] // Antropologicheskii forum. – 2018. – № 37. – S. 93–110. (In Russian)
3. Galyautdinov I.G. «Tarikh nama-i bulgar» Tadzhedina Yalsygulova [Tarikhnama-yi Bulghar by Tajj al-Din ibn Yalchighul] / отв. red. E. R. Tenishev. – Ufa: Kitap, 1998. – 269 s. (In Russian)

4. Ilyasova G.R. Linguistic and textological features of the works "Sabat al-hadjizin" by Allayar Sufi and "Risala-i Gaziza" by T. Yalsygulov: abstract of dis. ... candidate of philological sciences: 10.02.02 / Ilyasova Guzal'ia Rimovna; [Place of protection: Bashkir. state university]. – Ufa, 2009. – 27 s.
5. Dmitrieva L.V. Katalog tyurkskikh rukopisei Instituta vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk [Catalogue of the Turkic manuscripts of the Russian Sciences Academy Institute of Oriental Studies] / otv. red. O.F. Akimushkin. – M.: Vost. lit., 2002. – 616 s. (In Russian)
6. Kemper M. Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane: islamskii diskurs pod russkim gospodstvom [Sufis and Scholars in Tatarstan and Bashkortostan: Islamic discourse under the Russian dominance] / per. s nem. Iskander Gilyazov. – Kazan': Rossiiskii islamskii universitet, 2008. – 655 s. (In Russian)
7. Rakhimova Ya.R. Klassicheskie tafsiry Korana kak dostoyanie tatarskoi kul'tury [Classical tafsirs of Qur'an as the value of Tatar culture] // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2017. – № 1. – S. 48–53. (In Russian)
8. Salikh N.R. Perepischiki arabografichnykh rukopisei na Yuzhnom Urale v XIX v. [The calligraphs of Arabic-script manuscripts in Southern Ural in 19th century] // Bylye gody. – 2019. – T. 52. V. 2. – S. 576–584. (In Russian)
9. Fakhr ad Din R.F. Asar [Athar]. Tom 1. Chast' 1. – Kazan', 1900. – 120 s. (In Russian)
10. Frolov D.V. Kommentarii k Koranu. Tridsatyi dzhuz'. Tom 3. Sury 98–114 [The commentary of Qur'an. 30th juz'. Vol. 3. Suras 98–114]. – M.: Vostochnaya kniga, 2014. – 448 s. (In Russian)
11. Khairutdinov A.G. Rukopisnyi perevod Korana Musy Bigeeva [Handwritten translation of Qur'an by Musa Jar Allah Bigeev] // Minbar. Islamic Studies. – 2018. – № 11 (4). – S. 805–818. (In Russian)
12. Taşkesenlioğlu L. *Vankulu Mehmed Efendi*. Geçmişten Günümüze Türkçeye Hizmet Edenler. 1. Cilt. – Ankara: Nobel Bilimsel Eserler, 2016. – S. 207–209. (In Turkish).
13. Vani M. *Araisü'l-Kur'an (Kur'an'in Gelinleri)*. – Istanbul: Selenge yayinlari, 2020. – 616 s. (In Turkish).
14. Yahşîqûlî üglî T. *Kitāb-i šaraf-ma'āb haft-i yak tafsîrî türkî tilinda*. – Qazān, üniversitet tab'hānasī, 1302. – 386 s. (In Old Turkic)
15. Yılmazçelik İ., Bahtiyar H. *Osmanlı döneminde Diyarbakır uzerine bazı tespitler ve Diyarbakır şer'iyye sicilleri (katalog ve fihristleri)*. – İstanbul: Hiperyayın, 2019. – 600 s. (In Turkish).